

Ищенко Н.А.

ВОЕННЫЙ ДИСКУРС И ДИСКУРСИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВОЙНЫ

Так как «образ войны всегда конституируется дискурсивно» [4], ее можно изучать посредством анализа военного дискурса. Под «военным дискурсом» понимается дискурс о войне как в традиционной, так и в современной ее формах. К разряду «военного дискурса» относится дискурс военных о войне (жанр «доклада» или «сводки»), политиков о войне (разновидность политического дискурса в жанре «интервью»), дискурс средств массовой информации, освещающих военные действия, частично – дискурсы образовательный, национальный, гендерный, филологический и т.д. Содержание дискурса концентрируется вокруг некоторого «опорного» концепта, называемого «топиком дискурса» или «дискурсивным топиком» (к примеру, дискурс Наполеоновских войн, дискурс Крымской войны 1853–1856 гг. и т.п.). Анализ его лингвистических и экстралингвистических составляющих в совокупности своей позволяет систематически изучить и описать различные структуры и стратегии, характерные для военного дискурса. При этом изучаются не только общие темы и «локальные» значения, но и общая организация дискурса, поскольку «анализ дискурса должен быть основан на систематической реконструкции социально-исторического поля, в котором был создан объект анализа дискурса» [6, 4].

Сложность и многосоставность военного дискурса связана с понятием дискурса как такового. Под дискурсом понимается текст, погруженный в ситуацию общения, которая включает, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели), необходимые для понимания текста. Понятие «дискурс» характеризуется параметрами завершенности, цельности, связности, то есть всеми свойствами текста. Оно рассматривается одновременно и как процесс (с учетом воздействия социокультурных, экстралингвистических и коммуникативно-ситуативных факторов) и как результат в виде фиксированного текста.

Таким образом, дискурсивное измерение войны состоит из двух компонентов: социального и когнитивного. Согласно Т. ван Дейку, дискурс – это существенная составляющая социокультурного взаимодействия, характерные черты которого – интересы, цели и стили [9]. Так как «дискурс – социальная практика» [2, 2], то военный дискурс принадлежит, в первую очередь, к социальному измерению войны. Социальный компонент включает ежедневный военный дискурс (жанр «доклада» или «сводки», политический «интервью»). С другой стороны, социальные практики характеризуются когнитивным измерением (знания, мнения, верования, нормы, и ценности, убеждения и стереотипы и т.п.). Стереотипы и предрассудки закрепляются в литературе и могут пролить свет на некоторые причины конфликтов и особенности их протекания. В то же время, дискурс – основной источник, генерирующий и распространяющий убеждения, представления и предрассудки, занимающие несомненно важное место в разных литературных жанрах о войне [4].

Этот аспект глобальной структуры дискурса был отмечен американским психологом Ф.Бартлеттом в книге 1932 «Память» (Remembering). Бартлетт обнаружил, что при вербализации прошлого опыта люди регулярно пользуются стереотипными представлениями о действительности. Такие стереотипные фоновые знания Бартлетт называл схемами («фрейм» у М. Минского, «скрипт» у Р. Шенка и Р. Абельсона, «сценарий» у А. Сэнфорда и С. Гаррода). Схемы способствуют адекватной когнитивной обработке типичных ситуаций, связности текста, обеспечивают контекстные ожидания, дают возможность прогнозирования предстоящих событий на основе ранее встречавшихся. Разновидностью культурологических знаний являются филологические («литературные») знания – филологические схемы. По сути своей, схемы – это и есть юнговские архетипические структуры, на которых базируются формирующиеся в процессе мифотворчества мифические представления.

Борисова Л.В., отдавая предпочтение термину «фрейм», указывает на то, что в основе анализа художественного текста лежит деконструкция (с последующей «реконструкцией намерений автора») его фреймов. Распознавание стратегического замысла автора представляет собой микротеорию интерпретатора о намерениях (целях и мотивах) автора с точки зрения «остраненности» (когда интерпретатор стремится посмотреть на вещи глазами автора). Камнем преткновения всякого анализа является несоответствие семантической наполненности авторского фрейма и фрейма читателя. Восприятие содержания того или иного фрейма зависит от многих причин и, в первую очередь, от содержания культурного бессознательного, т.е. всей совокупности внешней информации, которой владеет тот или иной читатель, от его кругозора читателя. Такая информация, воспринимаясь читателем, соотносится с его личной картиной мира, чтобы впоследствии стать его «собственной информацией», т.е. убеждением. В результате, считает Борисова Л.В., мы перестаем различать собственную когнитивную информацию, записанную на собственных когнитивных картах и информацию «чужую», но переработанную нами в соответствии с нашей картиной мира [1].

В работах последнего десятилетия все чаще и чаще дискурсивно-аналитический подход используется в комплексном анализе разновекторных дискурсов, в частности – военного, гендерного, национального и политического [13; 16]. Не смотря на отличающие их особенности, эти дискурсы существуют не изолированно друг от друга; они формируют, поддерживают и корректируют друг друга. В частности, О.В. Рябов отмечает, насколько значима роль гендерного дискурса в функционировании национальной идентичности и называет его «оружием войны». Идеи территории, границ, национального сообщества, государства, гражданства, подданных облакаются в образы «матери», «сыновей», «братьев» и т.д. [5]. Подобное обращение к гендерному дискурсу необходимо для легитимации нации, которая, во-первых, невозможна без убежденности в «вечности» национальной общности, ее укорененности в сакральном; та эссенциализация, которая имплицитно содержится в картине отношений между полами, переносится и на отношение к нации [7]. Сама

идея национального сообщества выражает отношения родства, а аналогия с семьей – это тот элемент национального дискурса, который во многом определяет ценностную систему национальной мифологии, ее концепты и символы. В свою очередь, национальный и межнациональный – главным образом, военный – дискурсы являются тем пространством, в котором создаются образцы мужественности и женственности.

Подобно тому, как нация не существует вне гендерного дискурса, она невозможна и без войны. История нации воспринимается в качестве, прежде всего, истории ее войн; войны же – это, в первую очередь, соперничество наций [11]. Поэтому образ врага представляет собой столь же необходимый элемент национальной мифологии, как, например, "родная земля", "золотой век", "герои" и др. [15].

Война невозможна без использования гендерной идентичности как мужчин, так и женщин. Скрытая логика, лежащая в основе дискурса военной пропаганды, может быть представлена в виде следующей импликации: "если ты настоящий мужчина, то ты должен поддерживать военные акции и принимать в них активное участие...". Таким образом, апелляция к гендерной идентичности индивида представляет собой тот элемент дискурса военной пропаганды, который устанавливает взаимосвязь между отношением к войне, с одной стороны, и определенными моделями маскулинности и феминности, с другой. В практике "нормализации" военной пропаганды быть "настоящим мужчиной" означает быть воином; все же прочие стороны маскулинности определяются как нечто второстепенное, маргинальное к военности. О.В. Рябов определяет "маскулинность и военность" как «первый сюжет мобилизационного дискурса военной пропаганды».

Несмотря на столь определенную маркировку войны как маскулинного, а мира как феминного, женские роли на войне многообразны, и война так же не возможна без символических женщин, как не существует она и без символических мужчин. Женщины символизируют "нормальное" место, куда солдат возвращается после боев. В связи с этим исключительное значение в пропаганде приобретает образ верной подруги и жены. Матери, жены, возлюбленные благословляют мужчин, легитимируя тем самым их участие в войне. Женщины служат воплощением чувств сострадания и жалости, которые нация испытывает по отношению к павшим и раненым на поле боя. Кроме того, они выступают в качестве некой награды, которую получают настоящие мужчины. Лучшие женщины любят тех, кто хорошо воюет, выдавая тем самым мужчинам своеобразный сертификат подлинной мужественности. Напротив, именно женщины ставят под сомнение маскулинность тех мужчин, которые не принимают участие в войне или ведут себя недостойно. Викторианская парадигма женственности предполагала интерпретацию нравственности (отождествляемой, в первую очередь, с бескорыстием и жертвенностью) как феминного [10]. Поэтому репрезентации собственной страны при помощи образов непорочных женщин (например, образ «великой девственницы» Флоренс Найтингейл во время и после Крымской войны) – обычный прием военной пропаганды, призванный убедить в чистоте намерений своей державы и справедливом характере войны с ее стороны [14].

Поскольку гендер используется для обозначения доминирования, постольку феминизация образа врага и маскулинизация Своих – обычный прием военной пропаганды. При этом соперничество на международной арене облекается в форму соревнования в маскулинности, чем объясняется широкое вовлечение в дискурс международных отношений гендерных и сексуальных метафор, использующих самые разнообразные аспекты взаимоотношений полов. В пропагандистском дискурсе превосходство собственной маскулинности эксплицируются через эстетические и моральные преимущества. При этом активно используются каноны телесности. Например, в российской пропаганде эти цели достигались через противопоставление репрезентаций "русского богатырства" и "западного рыцарства".

История военной пропаганды знает различные способы символической демаскулинизации соперника [8; 12]. Так, достаточно традиционным является пропагандистский сюжет, когда Свои женщины оказываются сильнее неприятельских мужчин. Другой вариант подобной демаскулинизации, обвиняющей Врага в немужском поведении – изображение его прячущимся за женскими спинами (или под женской юбкой).

Отмеченные выше закономерности, по всей вероятности, достаточно универсальны. Многообразие смыслов, заключенных в концептах маскулинного и феминного, требует учитывать "инструментальный", ситуативный, подвижный характер представлений о мужском и женском, их контекстуальную обусловленность. Вместе с тем необходимо принимать во внимание особенности использования пропагандой гендерного дискурса, связанных с вариативностью представлений о маскулинности и феминности в различных культурах.

Присущая военному дискурсу полемичность свидетельствует о близости его к политическому, а вернее – к «тоталитаристскому» дискурсу. Эта полемичность сказывается, например, на выборе слов и представляет собой «перенесение военных действий с поля боя на театральные подмостки» [3]. По мнению некоторых социальных психологов это и есть сублимация агрессивности, которая изначально заложена в человеческой природе, и проявляется в своеобразной театрализованной агрессии. Полемичность политического дискурса направлена на внушение отрицательного отношения к политическим противникам, на навязывание (в качестве наиболее естественных и бесспорных) иных ценностей и оценок. Вот почему термины, оцениваемые позитивно сторонниками одних взглядов, воспринимаются негативно, порой даже как прямое оскорбление, другими.

Любой дискурс, по своему характеру направленный на внушение, учитывает систему взглядов потенциального интерпретатора с целью модифицировать намерения, мнения и мотивировку действий аудитории. Как в свое время отмечал А.Шопенгауэр, искусство убеждения состоит в умелом использовании едва заметно соприкасающихся понятий человека. Именно благодаря этому и совершаются неожиданные переходы от одних убеждений к другим, иногда вопреки ожиданиям самого говорящего.

Политический дискурс, чтобы быть эффективным, должен строиться в соответствии с определенными требованиями военных действий. Как и на поле боя, политический дискурс нацелен на уничтожение «бое-

вой мощи» противника – вооружения (то есть мнений и аргументов) и личного состава (дискредитация личности оппонента). Одним из средств уничтожения противника в политических дебатах является высмеивание. Смех вообще, по мнению многих теоретиков (напр., А.Бергсона), проявляет неосознанное желание унижить противника, а тем самым откорректировать его поведение. Поскольку высмеивание находится на грани этически допустимого, можно предположить, что в наибольшей степени оскорбительные юмор воспринимается обществом как уместный только в самый критический период, а в «нормальные» периоды такой жанр вряд ли допустим (например, карикатуры на Николая I в английском журнале «Панч» времен Крымской войны).

Итак, военный дискурс не существует без дискурсов национального, гендерного и политического. Эти дискурсы формируют, поддерживают и корректируют друг друга. Каждый из них играет значимую роль в функционировании национальной идентичности, каждый по своему направлен на внушение и учитывает систему взглядов потенциальной аудитории, чтобы воздействовать на нее.

Источники и литература

1. Борисова Л.В. Проблема когнитивного диссонанса коммуникативного акта. Интернет-конференция на портале auditorium.ru – <http://www.auditorium.ru/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&Counter>
2. Дейк Ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Высшая школа, 1989. – 165 с.
3. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии. <http://www.infolex.ru/PolDis.html>
4. Жуков И.В. Война в дискурсе современной прессы. http://www.teneta.ru/rus/ii/iliazhukov_war.htm
5. Рябов О. Нация и гендер в визуальных репрезентациях военной пропаганды. 2003 <http://www.ivanovo.ac.ru/alumni/olegria/Nation2.htm>
6. Barsky R.F. Discourse analysis. – Amsterdam: Benjamins, 1997. – 167 p.
7. Blom I. Gender and Nation in International Comparison // Gendered Nations: Nationalisms and Gender Order in the Long Nineteenth Century. Ed. I. Blom, K. Hagemann, C.Hall. – Oxford; New York, 2000. – P. 209–216.
8. Cohn C. Wars, Wimps, and Women: Talking Gender and Thinking War. // Gendering War Talk. Ed. M.Cooke, A.Woollacott. – Princeton. N.J.: Princeton University Press, 1993. – P. 32–38.
9. Dijk T.A. van. New(s) Racism: A Discourse analytical approach. // Ethnic Minorities in the Media: Changing Cultural Boundaries. Ed. by Simon Cottle. – L.: Routledge, 1998. – P. 2–16.
10. Elstain J.B. Public Man, Private Woman: Women in social and political thought. – Princeton. N.J.: Princeton University Press, 1981. – 360 p.
11. Goldstein J.S. War and gender: How gender shapes the war system and vice versa. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 495 p.
12. Hooper Ch. Manly states: masculinities, international relations, and gender politics. – N.–Y.: Columbia University Press, 2001. – 297 p.
13. McClintock A. Imperial Leather: Race, Gender, and Sexuality in the Colonial Conquest. – N.–Y.: Routledge, 1995. – 248 p.
14. Mosse G.L. Nationalism and Sexuality: Middle-Class Morality and Sexual Norms in Modern Europe. – Madison: Univ. of Wis. Press, 1985. – 32 p.
15. Smith A. The Ethnic Origin of Nations. – Oxford: Basic Blackwell, 1986. – 491 p.
16. Yuval–Davis N. Gender and Nation. – L., Thousand Oaks, New Daly: SAGE, 1997. – 157 p.

Алиция Казьмерак

ПОЛЬСКАЯ ТЕМА В КРЫМСКОТАТАРСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

В современных условиях понятие «диалог культур» приобретает все большее значение. Как замечает С. И. Шарина, оно применяется «в самых разных областях знаний – в культурологии, в искусствознании, в литературоведении как пограничной между искусствознанием и филологией области, в лингвистике, точнее, в тех ее разделах, которые связаны с проблемой «язык и культура», а также в педагогике, связанной с обучением представителей этнических меньшинств или учащихся, составляющих многонациональные коллективы, в школах и вузах» [20, с.511].

Одним из факторов, характеризующих диалог культур, является социальный. Ни у кого не вызывает сомнения факт, что успешное развитие культуры разных народов во многом зависит от их взаимодействия и контактов в разных областях жизни. Поэтому идея диалога культур является существенной и приоритетной как в условиях глобализации современного мира, так и в условиях межкультурного общения и обучения [2, с. 31–41].

В Крыму издавна складывались межэтнические и поликультурные отношения между различными нациями, в том числе крымскими татарами и проживающими здесь поляками. Польская диаспора в Крыму составляет ныне более 13 тысяч человек [8, с.176]. Однако изучение этно–культурного взаимодействия обеих наций является одним из слабо разработанных направлений современной науки.

Существенным показателем развития культуры всех крымских этносов является выпуск и развитие этнической прессы. Печатные издания крымских татар ведут свою историю еще с 80–х гг. XIX в., когда в Бахчисарае была учреждена первая крымскотатарская газета «Терджиман» («Переводчик»), редактором которой стал выдающийся просветитель Исмаил Гаспринский. Исследованием крымскотатарской периодики